

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ СЕМИОТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ И БИОЭТИКЕ

Н. Ф. Ковкель

УО «Белорусский государственный экономический университет»,
Республика Беларусь
natfrkov@mail.ru

О. В. Попова

Институт философии РАН, Россия
J-9101980@yandex.ru

Целью статьи является анализ проблем применения семиотической методологии в современной юриспруденции и биоэтике.

Показано, что проводником семиотической методологии в юридические исследования является семиотика права – интенсивно развивающаяся с 70-х гг. XX в. междисциплинарная научная отрасль. Современное состояние семиотики права обусловлено прежде всего отсутствием теоретического, концептуального и методологического единства. При этом разнообразие и ряд «конфликтов» научных теорий, концептов и методов наблюдаются не только на уровне взаимодействия между семиотикой и юриспруденцией, но также внутри самой семиотики.

Выделены следующие основные подходы к семиотике права: пирсеанский, греймасианский, аналитический, риторико-прагматический, деконструктивно-критический, социологический и социолингвистический, культурологический. Охарактеризована их теоретическая и методологическая специфика. Разработан авторский культурологический подход к семиотике права. Обосновано относительное единство семиотики права как научной отрасли и предложена ее прагматико-интерпретативная парадигма.

Сделан вывод о том, что существенные методологические затруднения для развития семиотики права и применения семиотической методологии в юридических исследованиях представляет отсутствие единых концептов. Предложены и определены основные концепты семиотики права, классификация правовых знаков и знаковых систем.

Показано, что феномен мультимодальности ставит перед семиотиками права новые задачи. Он предполагает повышенный исследовательский интерес к невербальным правовым знакам: естественным, образным и знакам действия. Для продуктивного развития семиотики права, особенно анализа образных знаков и знаков действия, могут быть полезными результаты исследования иных, смежных с правовым, дискурсов: политического, религиозного и др.

В статье также дано представление об эвристических возможностях применения семиотического подхода в биоэтике. Как правило, в сознании

исследователя в области этики доминирует установка, что проблемы семиотики, скорее, имеют отношение к логике, эпистемологии или когнитивистике, но лишь косвенно могут иметь отношение к проблемам этики. В статье на основании привлечения идей Ч. Пирса и В. Уэлби рассмотрены историко-философские предпосылки развития этики семиотики и показано, что данное поле исследований может служить философско-методологическим основанием для развития семиотических исследований в области биоэтики. В основании семиотического подхода к биоэтике должна лежать проблематизация телесных прав человека. Именно они являются «семантическими универсалиями» (У. Эко), которые могут считаться присущими всему человечеству. На наш взгляд, экспликация в рамках семиотического подхода проблематики «телесных прав», «соматического» права способна стать связующим звеном для сближения семиотики права и семиотических исследований в области биоэтики.

Ключевые слова: семиотика права, семиотика биоэтики, семиотическая методология в правовых исследованиях, знак, значение, языковые игры, этика значения.

PROBLEMS OF APPLYING SEMIOTIC METHODOLOGY IN MODERN JURISPRUDENCE AND BIOETHICS

N. F. Kovkel

Belarusian State Economic University, Minsk, Republic of Belarus
natfrkov@mail.ru

O. V. Popova

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
J-9101980@yandex.ru

The article aims to analyze the problems of applying a semiotic methodology in modern jurisprudence and bioethics. It is shown that the conductor of the semiotic methodology in legal research is the semiotics of law, an interdisciplinary scientific branch intensively developing since the 1970s. The current state of the semiotics of law is primarily due to the lack of a theoretical, conceptual and methodological unity. At the same time, the diversity and the "conflicts" of scientific theories, concepts and methods are observed not only at the level of interaction between semiotics and jurisprudence, but also within semiotics itself. The article considers the main scientific directions that laid the foundation for the formation of the semiotics of law, associated with two cardinal lines of the initial development of general semiotics: logical, leading its tradition from Charles Peirce's works, and linguistic, the founder of which is

Ferdinand de Saussure. It is concluded that significant methodological difficulties for the development of the semiotics of law and the application of the semiotic methodology in legal research is the lack of common concepts. It is also shown that the phenomenon of multimodality poses new challenges for the semiotics of law. It presupposes an increased research interest in non-verbal legal signs: natural, figurative, and action signs. The analysis of figurative and action signs, the results of the research of other law-related discourses (political, religious, etc.) may be particularly useful for the productive development of the semiotics of law. The article also gives an idea of heuristic possibilities of applying the semiotic approach in bioethics. In this field, it is generally accepted that semiotic problems are more likely to be related to logic, epistemology, or cognitive science, but can only be indirectly related to ethical problems of biomedicine. Based on the ideas of Charles Peirce and Victoria Welby, the article examines the historical and philosophical prerequisites for the development of the semiotics of ethics and shows that this field of research can serve as a philosophical and methodological basis for the development of semiotic research in the field of bioethics. The semiotic approach to bioethics, as stressed in the article, should be based on the problems of human body rights. They are the “semantic universals” (Umberto Eco) that can be considered inherent to the whole of humanity. In the author’s opinion, the explication of the problems of “body rights”, “somatic” law, within the framework of the semiotic approach, can become a link for the rapprochement of the semiotics of law and semiotic research in the field of bioethics.

Keywords: semiotics of law, semiotics of bioethics, semiotic methodology in legal research, sign, meaning, language games, ethics of meaning.

DOI 10.23951/2312-7899-2019-4-126-155

Семиотическая методология в юридических исследованиях

Проводником семиотической методологии в юридические исследования является семиотика права – интенсивно развивающаяся с 70-х гг. XX в. междисциплинарная научная отрасль. Невзирая на то, что еще основоположница пирсеанской школы семиотики права Роберта Кевельзон в предисловии к материалам первого круглого стола по праву и семиотике¹ выражала надежду серией этих мероприятий завершить согласование «парадигмы для будущих

¹ Первый круглый стол по праву и семиотике был проведен 11–13 апреля 1987 г. в Пенсильванском университете под эгидой Центра семиотических исследований в области права, управления и экономики, возглавляемого Робертой Кевельзон.

этапов семиотического исследования права» [Kevelson 1987 а, 6], статус семиотики права по настоящее время остается допарадигмальным. Представляется, что такое состояние семиотики права обусловлено прежде всего отсутствием теоретического, концептуального и методологического единства. При этом разнообразие и ряд «конфликтов» научных теорий, концептов и методов наблюдается не только на уровне взаимодействия между семиотикой и юриспруденцией, но также внутри самой семиотики. Это обстоятельство вызывает затруднения с определением статуса современной семиотики права, которую некоторые исследователи не признают единой научной дисциплиной [Jackson 2011, 28–29]. Большинство ученых рассматривает ее в качестве метадисциплины, обеспечивающей строгость методологии и формирующей новый язык для изучения традиционных методов юридической науки [Balkin 1991, 1831; Cacciaguidi-Fahy, Mooney 2009, 382; Jackson 2011, 29].

Соглашаясь с метадисциплинарным характером семиотики права, более того, возможностью семиотической парадигмы для всего социогуманитарного знания, необходимо все же отметить, что это не исключает существования семиотики права в качестве самостоятельной научной отрасли. При всем разнообразии теоретических и методологических направлений, существующих в современной семиотике права, представляется возможным обосновать их относительное единство. В рамках данной статьи сложно представить детальную характеристику даже основных направлений современной семиотики права, в связи с чем ограничимся лишь кратким анализом их теоретической и методологической специфики.

Основные направления семиотики права

Основные научные направления, в рамках которых происходило становление семиотики права, принято именовать пирсеанским и греймасианским, продолжившим две кардинальные линии начального развития общей семиотики – логическую, ведущую свою традицию от творчества Ч. С. Пирса, и лингвистическую, основоположником которой является Ф. де Соссюр. Основателем пирсеанского направления, внесшим колоссальный вклад в его развитие и продвижение семиотики права в целом, является профессор Пенсильванского университета Роберта Кевельзон. Будучи глубоким знатоком творчества Ч. С. Пирса и развивая с ним своеобразный

герменевтический диалог, она определила основные концепты, методологические особенности и парадигму семиотики права² [Kevelson 1982; 1985; 1986; 1987 b]. В качестве основного вклада Ч. С. Пирса в философскую мысль Р. Кевельзон, ссылаясь на последние его работы, называет «Метод Методов», который должен быть «методом семиотического запроса», стремящимся: «1) учитывать различные дисциплинарно-специфические методы исследования и 2) развивать из этих разнообразных тем дискурса общие принципы объединяющего характера» [Kevelson 1987 a, 4]. Семиотическая методология, или спекулятивная риторика, Ч. С. Пирса предполагает, что «исследование, всегда диалогическое, представляет собой процесс передачи или обмена сообщениями посредством знаков и знаковых систем» [Kevelson 1988, 3]. Право рассматривается Р. Кевельзон в монографии «Право как система знаков» в качестве одной из таких знаковых систем, существующей наряду с иными социальными институтами (языком, экономикой, политикой и др.) и выступающей «прототипом intersubjectивного социального обмена ценностями в целом» [Kevelson 1988, 4]. Она подчеркивает, что, «подобно тому, как существует не одна идеальная правовая система, а скорее правовая система как актуальная сеть конкурирующих и конфликтующих правовых подсистем», так существует и «не один тип правового дискурса, но противоречащие друг другу модели правового рассуждения», которые взаимодействуют и сосуществуют в одном и том же обществе в один и тот же исторический период. Например, «модель дедуктивного правового обоснования преследует отличную цель, нежели модель индуктивного правового обоснования», и обе модели отличны от гипотетического правового обоснования [Kevelson 1988, 10]. В этой связи методология пирсеанской версии семиотики права видится Р. Кевельзон как применение к анализу речевых актов правового дискурса целого ряда различных логик: 1) «критической», или формальной логики, анализирующей абдуктивное, дедуктивное и индуктивное рассуждение; 2) деонтической логики; 3) эротической логики вопросов и ответов [Kevelson 1988, 6–7]. Следует особо отметить эту идею, на основании которой возможно анализировать правовое мышление как синтетическое, обусловленное тем или иным видом правового дискурса и сочетающее различные формы³, и эволюцию логики права как научной

² Роберта Кевельзон является автором термина «правовая семиотика» («legal semiotic»).

³ К примеру, в законодательном дискурсе неизбежно присутствуют, хоть и не всегда доминируют, деонтические модальности, а в научном они могут и вовсе не использоваться. В этой связи представляется целесообразным исследование различных видов правового дискурса и выделение «стилевых векторов», присущих мышлению их участников.

отрасли, в которой к анализу правового мышления применяются различные виды логик. При этом Р. Кевельзон особое внимание уделяла эротетической логике, которая демонстрировалась Ч. С. Пирсом преимущественно на правовых примерах и оказала колоссальное влияние на развитие как континентальной, так и англо-американской правовой традиции. Эротетическая логика значима для анализа процесса принятия юридических решений и иных открытых правовых процедур, «в которых вопросительная конструкция и интерпретационный процесс являются наиболее выраженными и прагматический аспект семиотической методологии является наиболее очевидным и полезным» [Kevelson 1988, 8].

Необходимо подчеркнуть, что именно концепт интерпретации Р. Кевельзон рассматривает в качестве ключевого в семиотической теории Ч. С. Пирса [Kevelson 1987 a, 9] и переносит его в область семиотики права. Основной проблемой правовой коммуникации она называет интерпретацию знаковых отношений между определенными (на основе норм права или практики) и неопределенными элементами правовой системы. При этом каждый акт означивания рассматривается Р. Кевельзон как открытый, практически ничем не ограниченный процесс. Следует отметить, что в настоящее время только начинается осмысление богатого творческого наследия Р. Кевельзон и ее вклада в развитие семиотики права. Методологическое влияние на ее концепцию, оказанное Ч. С. Пирсом, Т. Себеком и ранними феминистскими движениями восточного побережья США, анализируется Яном Брукменом и Фрэнком Флиеракерсом в монографии, посвященной жизни и творчеству Р. Кевельзон [Broekman, Fleerackers 2018, p. VII].

Греимасианское направление семиотики права возникло на основе французского структурализма, в связи с чем тесно связано не столько с логикой и анализом правового мышления, сколько с лингвистикой и психологией, анализом речевых и психологических смыслопорождающих процессов в правовом дискурсе. Основоположителем данного направления является Альгирдас Греймас, на «Структурной семантике» которого в дальнейшем выстраивался семио-нарративный подход к лежащим в основе правового дискурса значимым структурам. Существенный вклад в развитие данного направления внес Эрик Ландовский, который выявил не только те сферы, в которых право зависит от структур значения неюридических форм дискурса, но и провел семиотический анализ специфических правовых институтов [Landowski 1985; 1988 a]. В совместном исследовании А. Греймас и Э. Ландовский определили работу

законодателя как «production juridique» и отождествили ее с актом присвоения имен в рамках законодательства. Однако при этом отметили, что в семье общего права «production juridique» законодателя не будет являться единственным средством, поскольку судьи, создавая прецеденты, также производят «общеобязательные смыслы». В отличие от грамматики большинства социальных семиотических систем, которые обычно остаются неявными, «юридическая грамматика» стремится быть ясной и правила ее публичны [Greimas, Landowski 1976, 87]. Неявные элементы «юридической грамматики» порождают множество дискуссий среди философов права о возможности существования «логических пробелов» в правовом дискурсе. Следует также отметить особый вклад Э. Ландовского в характерное для всех семиотических подходов к анализу права оспаривание единства правовой системы. Он, в частности, вводит понятия «sémiologie juridique», концентрирующейся на анализе различных типов знаков, участвующих в правовой деятельности, и «semiotique juridique», исследующей означаемые структуры конкретных форм дискурса [Landowski 1988 b].

Значительный вклад в развитие данного направления внес профессор права Ливерпульского университета Бернард Джексон. В качестве предмета семиотики права он обозначает особенности возникновения, передачи, трансформации и утраты смыслов в области права [Jackson 1985, 24–25; 1995, 15–16]. В методологии семиотики права, согласно Б. Джексону, могут применяться подходы любых наук, специализирующихся на построении и измерении смысла. Используя в качестве основы учение А. Греймаса о семио-нарративной глубокой структуре значения, он стремится идентифицировать социальные знания как особый запас нарративно-построенных тем. В контексте модели нарративной типификации Б. Джексон рассматривает все правовые действия и правовое мышление как нагруженное социальной оценкой семиотическое творчество различных «семиотических групп» [Jackson 1996, 45–54]. Дальнейшее развитие греймасианского направления семиотики права видится Б. Джексону через анализ четырех основных сформулированных им гипотез: 1) «референция» в рамках правовой системы является внутридискурсивной и неспособной к проверке на основании корреспонденции; 2) параллельно с развитием прагматического измерения юридического дискурса возможно и необходимо развивать его семантическое измерение через «нарративизацию прагматики»; 3) необходимо пристальное внимание к разнообразию «семиотических групп», действующих в рамках правовых систем, и особенностям «правовой

культуры» каждой из них; 4) понятия «нормативность» и «истина» в рамках правовой системы – просто претензии, их значимость и правдоподобие можно описать только с помощью семиотики, но не следует приписывать им никакого особого онтологического статуса [Jackson 2011, 18–21].

Параллельно с пирсеанским и греймасианским направлениями формировалось множество иных подходов к семиотике права, которые с известной долей условности можно объединить в следующие: аналитический, риторико-прагматический, деконструктивно-критический, социологический и социолингвистический, культурологический. Традицию континентального аналитического подхода к семиотике права, находящегося под методологическим влиянием творчества Г. Фреге, Р. Карнапа, Ч. У. Морриса, а также логического позитивизма и аналитической философии, можно вести от работ Феликса Оппенгейма. Он заслуженно признается пионером логического анализа языка права, использовавшим теорию Р. Карнапа для анализа императивных и декларативных предложений этого языка [Oppenheim 1944].

Глубокое системное изложение «*sémiotique juridique*», основанное на положениях доктрин Г. Фреге, Р. Карнапа и Ч. У. Морриса, предложил французский исследователь польского происхождения Жорж Калиновский. Основной вклад Ж. Калиновского в развитие аналитического подхода к семиотике права состоит в выделении различных видов юридического языка – законодательного, судебного и доктринального, отличных от «языка норм», и системном исследовании в каждом из них семантических, синтаксических и прагматических компонентов. При этом наиболее существенны различия между языком законодательства и языком юристов [Kalinowski 1988]. Логика самих норм, деонтическая логика, отлична от выражения правовых норм в законодательном, судебном или доктринальном языке. Ж. Калиновский последовательно разделяет деонтическую логику, находящуюся вне категории истинности, и логику высказываний о нормах, подлежащих оценке с точки зрения истинно-ложно [Kalinowski 1990, 349–350].

Значительный вклад в развитие аналитического подхода к семиотике права внесли представители итальянской аналитической школы. Уберто Скарпелли, следуя теоретическим положениям Р. Карнапа, Ч. У. Морриса и английской аналитической традиции [Scarpelli 1985, 40], развил эмпирическую теорию определения правовых понятий посредством формулировки правил использования лингвистических выражений на основе соотношения языковых

элементов с основными данными опыта [Scarpelli 1985, 37]. Марио Джори перенес в семиотику права обсуждение многих центральных теоретических проблем общей семиотики. Например, проблему выбора между диадической и триадической моделями знака [Jori 1989], проблему референции [Jori 1987] и др.

Риторико-прагматический подход к семиотике права представлен как минимум двумя направлениями. В рамках первого из них риторика обогащает семиотику права исследованием прагматических аспектов права, прежде всего – процесса правовой аргументации. В развитие данного направления существенный вклад внесли представители брюссельской школы, методологически ориентированной прежде всего на неориторику Хаима Перельмана, и школы Майнца, сформировавшейся под влиянием творчества Теодора Фивега. Второе направление характерно тем, что правовая риторика рассматривается не в качестве науки о строгих правилах прагматики права, а прежде всего как исследование сознательного или бессознательного манипулирования языком, зачастую в идеологических целях. Семиотики права, придерживающиеся данного взгляда на правовую риторику, отдают предпочтение методу деконструкции и критического анализа разнообразных правовых дискурсов.

Необходимо отметить особое влияние творчества Х. Перельмана на становление и развитие неориторики, аргументативной теории права и семиотико-правовых исследований в рамках брюссельской школы. Произведенный Х. Перельманом пересмотр классической риторики и разработки по синтезу риторики с теорией практических рассуждений произвел своеобразный «риторический поворот» в философии. Основываясь на методологических разработках Х. Перельмана, представители этой школы исследуют проблемы прагматики права через анализ определенных интерактивных правил правового дискурса [Sbisà, Fabbri 1981], лингвистических характеристик правовых речевых актов [Kurzon 1988], иллокутивных актов правовой аргументации [Hoven 1988] и др.

Методология Майнцкой школы семиотики права основана прежде всего на разработках Т. Фивега, который, в отличие от Х. Перельмана, исходил из классической риторики. Семиотико-правовые исследования в этой школе начинались с проблем формализации для целей компьютерного анализа, однако через сотрудничество с лингвистами текста, риториками и аналитиками аргументации развились в сторону прагматики права. В рамках школы интенсивно развивались эмпирические исследования правовой коммуникации в интерактивном контексте, теории аналитической риторики

в контексте юридической аргументации [Ballweg, Seibert 1982; Ballweg 1987]. Например, О. Баллвег подверг глубокому анализу отношения между интерпретатором, объектом и знаком, включившим не только прагматику, семантику и синтактику Ч. У. Морриса, но также комплекс «целостных» отношений, классифицированных как онтаксические, аксиотаксические и телеотаксические, а также систему «фонетических» отношений (агоника, эргономика и питаневтика) [Ballweg 1987]. Необходимо заметить, что в два последние десятилетия риторико-прагматический анализ интенсивно развивался и представителями иных национальных школ семиотики права.

В рамках второго направления риторико-прагматического подхода к семиотике права, который представляется одним из наиболее перспективных, внимание исследователей сосредоточилось на деконструктивном и критическом анализе правового дискурса. Значительный вклад в развитие данного направления внес профессор Йельской школы права Джек Балкин публикацией в 1991 г. резонансной статьи «Обещание правовой семиотики» [Balkin 1991]. Именно под сильным знаком «обещания» Дж. Балкина семиотика права развивалась вплоть до конца первого десятилетия XXI века, о чем свидетельствуют многочисленные ссылки в научной литературе и материалы Международного круглого стола по семиотике права, проходившего в 2008 году в Булонь-сюр-Мер (Франция) с этой формулировкой в качестве названия⁴, обзор которых представили Софи Каччаиагиди-Фахи и Аннабель Муни [Cacciaguidi-Fahu, Mooney 2009]. Именно под лозунгом «обещания» формировалась так называемая «новая школа правовой семиотики», призванная «расширить перспективы правовой риторики, охватывая идеи постструктурализма, правового феминизма и постмодернистского мультикультурализма в праве и правовых исследованиях» [Wagner, Broekman 2011, p. V]. В указанной статье Дж. Балкин вводит понятия «идеологического дрейфа» и «деконструктивного переворота» политических, моральных и правовых идей и ценностей, осуществляет семиотический анализ правовой аргументации и правовой аутентичности [Balkin 1991].

Отдельное исследование Дж. Балкина посвящено анализу проблем использования метода деконструкции в семиотико-правовых и иных юридических исследованиях. В нем анализируется аргумент

⁴ Материалы данного Международного круглого стола по семиотике права опубликованы в специальном выпуске журнала: *International Journal for the Semiotics of Law*. 2009. Vol. 22. No. 4.

деконструкции в контексте его применения к нормативным дискурсам, а также в качестве особой риторической юридической практики [Balkin 1994]. Следует отметить перспективность метода деконструкции для дальнейшего развития семиотики права и согласиться с мнением Анны Вагнер и Яна Брукмена о том, что «режим деконструкции отнюдь не является следствием Деррида или символом постмодернизма; скорее, он составляет существенную часть семиотического подхода к праву» [Wagner, Broekman 2011, p. XI].

Необходимо подчеркнуть особую связь американской семиотики права с популярной школой Критических правовых исследований (CLS), которая позволила в первую очередь сфокусироваться на критическом анализе трактовки и реализации справедливости в различных правовых дискурсах и привела к подрыву требования согласованности (когерентности) правовой доктрины. Нарушение согласованности в правовой концептуализации никогда не сможет быть осознанным без обращения к политическим ситуациям и их анализу. «Право в семиотической перспективе – дискурс власти, и эта формула открывает новые измерения» [Wagner, Broekman 2011, p. VI]. Представляется, что с учетом растущей популярности деконструктивных и критических исследований не только в американской, но и в континентальной семиотике права данный подход может быть выделен в качестве самостоятельного.

Следующий подход к семиотике права опирается на методологию социологии и социолингвистики. Первым, кто предложил систематизированный социолингвистический подход к изучению правового языка в США, был Дэвид Меллинкофф, опубликовавший в 1963 г. монографию «Язык права» [Mellinkoff 1963]. Несомненной заслугой его исследования является анализ правового языка в синхроническом и диахроническом аспектах, учет частотности анализируемых языковых явлений. Одним из первых социолингвистических исследований в европейской юриспруденции является работа польского учёного Томаша Гизберта-Студницкого «Язык права с социолингвистической перспективы» [Gizbert-Studnicki 1986]. Основное содержание работы посвящено анализу ситуативной обусловленности языка текстов нормативных правовых актов, который он относит к числу реестров этнического языка. Исследуя социолингвистические ситуации, в которых они функционируют, Т. Гизберт-Студницкий выделяет пять независимых от *acta parole* составляющих этих ситуаций: 1) отправитель текста; 2) получатель текста; 3) коммуникативный канал; 4) тематическое поле; 5) социальный контекст [Gizbert-Studnicki 1986, s. 46].

В ряде работ автор данной статьи проводила семиотический и социолингвистический анализ правового языка в следующих аспектах: 1) исследования проблемы самостоятельности правового языка [Ковкель 2009, 151–164; 2010]; 2) его соотношения с естественными и искусственными языками [Ковкель 2009, 164–174; 2011 а]; 3) структурирования и единства правового языка [Ковкель 2009, 174–183; 2013 а]; 4) классификации и методологии исследования реестров и подреестров правового языка [Ковкель 2013 б]; 5) анализа элементов социолингвистических ситуаций, в которых функционируют нормативные правовые акты и правоприменительные акты [Ковкель 2013 б]; 6) анализа социолингвистической обусловленности законодательной лексики, синтаксиса и пунктуации [Ковкель 2009, 195–230]; 7) исследования проблем стилистики правовых текстов [Ковкель 2012] и др. Нами также проведен семиотический анализ законодательства как знаковой системы, обладающей следующими основными характеристиками: базисными и производными знаками, функциональными элементами, метаязыком, логиками оперирования системой, системой записи правил и операций, а также возможностью верификации промежуточных и окончательных результатов работы с системой. При этом были определены и охарактеризованы особенности базисных и производных знаков законодательства [Ковкель 2009, 184–221], разработан континуум их лексической прозрачности [Ковкель 2011 б], исследованы функциональные элементы, метаязык и логики оперирования законодательной знаковой системой [Ковкель 2009, 222–244].

Культурологический подход к семиотике права базируется на третьем, развившемся наряду с логическим и лингвистическим, направлении общей семиотики в рамках Московско-Тартуской школы. Принято отмечать самобытность Московско-Тартуской школы, представители которой не предпринимали попыток осмысления своего места в системе западных школ семиотики, несмотря на бесспорное влияние, оказанное на ее формирование структурной лингвистикой и антропологией. Московско-Тартуская школа не имела общей доктрины и единой методологии. Мы попытались построить концепцию семиотики права, основанную прежде всего на методологических разработках Ю. М. Лотмана. Она предполагает культурологическую доминанту в исследовании права как сложного и разноуровневого, постоянно изменяющегося взаимодействия интерпретаторов правовых знаков и знаковых систем. Анализ права в качестве особого культурного феномена и помещение его в культурный контекст изначально отличали семиотический подход от

всех иных подходов к праву [Balkin 1991, 1831; Wagner, Broekman 2011, p. X]. Спецификой развиваемой нами концепции является не столько исследование права в культурной перспективе, сколько анализ культурных особенностей интерпретаторов правовых знаков, их влияния на все правовые феномены. В этой связи представляется значимым обогащение исследования правовой семиосферы акцентами на культурную специфику интерпретаторов и интерпретации. Концепт правовой семиосферы, следуя лотмановскому концепту, определяется нами как континуум, в котором функционируют правовые знаки и знаковые системы, реализуются правовые коммуникативные процессы и создается правовая информация [Ковкель 2015 а, 61; 2017 а, 51]. Наряду с исследованием структурной организации правовой семиосферы, особое внимание уделяется проблемам ее функционирования и динамики. В частности, вслед за Ю. М. Лотманом, мы выделили и проанализировали следующие характерные черты правовой семиосферы как элемента глобальной семиосферы: 1) наличие границы, или отграниченность от внесемиотического или иносемиотического пространства; 2) неравномерность организации (наличие ядерных структур и периферии); 3) несинхронность развития различных участков; 4) дискретность в передаче информации; 5) механизм диалога как основной механизм ее функционирования; 6) пространственная симметрия – асимметрия в организации [Ковкель 2017 а, 51–52; 2018]. Пристальное внимание в этом анализе было уделено процессу правовой интерпретации, его культурной обусловленности и компонентам.

Представляется, что, невзирая на все многообразие теоретических и методологических подходов к семиотике права, она является единой научной отраслью. Это единство обусловлено тем, что все семиотико-правовые исследования центрируются возле анализа знаков и знаковых систем, функционирующих в области права. Следует подчеркнуть справедливость позиции А. Вагнер и Я. Брукмена, которые в процессе определения перспектив семиотики права отмечают их «удивительную множественность», оперирование «постоянно меняющимся концептом права и правового дискурса», что не мешает определенному единству семиотики права, которая в плюральном, динамичном и мультикультурном обществе исследует право через анализ знаков и знаковой активности [Wagner, Broekman 2011, p. XVI–XVII]. Разнообразные подходы к семиотике права объединяет также понимание права как множественности правовых систем внутри одного социума, их динамичного, нестабильного функционирования в виде самых разнообразных знаков и знаковых

систем, встроенных в сложный культурный контекст. Видимо, еще преждевременно предлагать единую парадигму для дальнейшего развития семиотики права. Однако вполне возможной кажется ее культурологическая и прагматико-интерпретативная ориентация.

В ряде работ мы обосновали значимость прагматического анализа процессов порождения, передачи и интерпретации правовых знаков и знаковых систем, определили концепт правового семиозиса и разработали общую семиотическую модель правовой коммуникации. В качестве ее элементов были указаны: 1) адресант (отправитель) правового знака; 2) адресат (получатель) правового знака; 3) правовой знак (совокупность знаков); 4) коды (языки) адресанта и адресата; 5) контексты, в которых создается и интерпретируется правовой знак (совокупность знаков); 6) коммуникативный канал; 7) тематическое поле; 8) коммуникативная компетенция адресанта и адресата [Ковкель 2015 б, 231–232; 2017 а, 52; 2017 б, 124–125]. На основании данной общей модели строятся самые разнообразные специальные семиотические конструкции правовой деятельности: правотворческие, правосистематизационные, правоинтерпретационные, правоприменительные и др.

Особое значение для развития прагматического анализа имеет интерпретативная проблематика. Необходимо отметить исключительный интерес к проблемам правовой интерпретации во всех ведущих научных направлениях современной юриспруденции. Развитие интерпретативного аспекта семиотико-правовой парадигмы видится в следующем. Среди современных подходов к анализу процесса интерпретации особый интерес представляет семиотическая стратегия интерпретативного сотрудничества, согласно которой необходимым условием адекватной интерпретации текста является «диалектика прав» текста и интерпретатора. «Права текста» связываются с интенцией текста – понятием, введенным в семиотику У. Эко с целью ограничить произвольность интерпретации. У. Эко исходит из того, что поиск интенции реального автора текста не следует признавать целью интерпретации. Вместо реального автора под интенцией текста предполагается «образцовый автор», а точнее – образцовая «текстовая стратегия, определяющая семантические корреляции и требующая, чтобы ей подражали» [Эко 2007, 12]. Обязательным условием извлечения смысла из текста называется выявление его буквального значения и только затем – свобода интерпретации. Это предполагает диалектичное видение текста, который сочетает в себе заданность и неопределенность. Таким образом, в самом процессе порождения текста предусмотрены

способы его интерпретации, а читатель как активное начало – это часть процесса порождения текста. У. Эко вводит в теорию семиотики понятие «модель читателя» (М-Читатель). Под ним подразумевается читатель, который сможет интерпретировать выражения текста точно в таком же духе, в котором автор их создавал [Эко 2007, 26]. С целью демонстрации интерпретационного сотрудничества автора и читателя У. Эко формирует модель уровней текста – иерархическую схему операций, осуществляемых при интерпретации текста. Однако У. Эко намеренно отказывается от жесткой последовательности и иерархии этапов сотворчества Читателя. Он подчеркивает, что движение между уровнями возможно в любых направлениях, именуется уровни «ящичками», чтобы подчеркнуть непредсказуемость и разнонаправленность движения в процессе интерпретации [Эко 2007, 38].

Исходя из модели У. Эко, мы разработали модель уровней операций, осуществляемых при интерпретации различных видов правовых текстов как основных правовых знаков. Предложенная модель состоит из одиннадцати, а не десяти, как у У. Эко, уровней интерпретации текстов. К ним относятся: 1) линейная манифестация правового текста, его лексемная поверхность; 2) обстоятельства высказывания и интерпретации; 3) коды и субкоды; 4) интертекстуальные фреймы; 5) структуры правового дискурса; 6) экстенсионалы, взятые в скобки; 7) повествовательные и побудительные структуры; 8) предвидения и инференциальные прогулки; 9) актантные структуры; 10) элементарные аксиологические структуры; 11) миро-структуры [Ковкель 2017 с].

Существенные методологические затруднения для развития семиотики права и применения семиотической методологии в юридических исследованиях вызывает отсутствие единых концептов. В ряде работ мы выделили и определили следующие основные концепты семиотики права: правовой знак, правовая знаковая система, базисный знак правовой знаковой системы, правовой семиозис и правовая семиосфера. Правовой знак был определен как нечто, что обозначает или кодирует объекты правовой реальности (материальной или идеальной) в целях их описания, нахождения или для обработки и получения новой правовой информации. Под правовой знаковой системой предлагалось понимать совокупность правовых знаков, функционирующих в соответствии с правилами, приданными или имманентно присущими данной системе. Под базисным знаком правовой знаковой системы – знак, который превалирует в данной системе и обуславливает уровень ее абстракции и знаковых

трансформаций. Концепт правового семиозиса определялся как деятельность, связанная с созданием и функционированием правовых знаков и знаковых систем. Концепт правовой семиосферы, как было указано выше, определялся в качестве континуума, в котором функционируют правовые знаки и знаковые системы, реализуются правовые коммуникативные процессы и создается правовая информация [Ковкель 2015 а; 2017 а]. Указанные концепты могут быть основой для развития семантического, синтаксического и прагматического анализа правовых знаков и знаковых систем в любом юридическом исследовании, затрагивающем семиотическую проблематику.

Сложной и не имеющей однозначного решения в семиотике права проблемой является проблема классификации правовых знаков. Необходимо отметить, что ее решение зависит от избранного теоретического и методологического подхода к семиотике права. Мы ориентируемся на концепцию, разработанную А. Б. Соломоником, который признает невозможной универсальную классификацию отдельных знаков и классифицирует знаковые системы, исходя из критерия степени возрастающей абстрактности их базисного знака [Соломоник 2004, 6–14]. Дополнив его классификацию знаками и системами действия, имеющими особое значение для права в связи с его процессуальным характером, мы выделяем следующие виды правовых знаков и знаковых систем: естественные, образные, действия, языковые, системы записи и кодовые [Ковкель 2017 а, 48–50].

В процессе анализа этих разнообразных видов правовых знаков и знаковых систем представляется целесообразным обратить особое внимание на феномен мультимодальности. Концепция мультимодальности является относительно новой, активно разрабатываемой профессором Лондонского университета Гюнтером Крессом [Kress, Leeuwen 2001; Kress 2010]. Концепцию и соответствующий вызов мультимодальности Г. Кресс обозначает следующим образом: «„Язык“, со всей уверенностью считающийся (на „Западе“) гарантом того, что определено является человеческим, рациональным, необходимым для рефлексии, способным выразить любой аспект человеческого существования, оспаривается в этой занимавшейся им до сих пор центральной позиции другими средствами конструирования смыслов, другими средствами формирования идентичности» [Кресс 2016, 78]. Мультимодальность предполагает использование самых разнообразных семиотических средств для выражения смысла – изображений, жестов, звуков и т. д., далеко выходящих за пределы речи и письма и уже ставших реальностью новых коммуникативных практик. «Изменение в среде смысла

и коммуникации, – отмечает Г. Кресс, – будет сопровождаться широкой реконфигурацией места, занимаемого „языком“, в социальном / культурном / семиотическом / эпистемологическом мирах: он довольно быстро потеряет свое нынешнее центральное место, которое будет замещено другими модусами (modes). Последствия этого для эпистемологии и онтологии в целом, а с ними и для каждого аспекта культуры сейчас не могут быть по-настоящему оценены» [Кресс 2016, 78–79]. Феномен мультимодальности ставит перед семиотиками права новые задачи. Он предполагает повышенный исследовательский интерес к невербальным правовым знакам в разработанной нами классификации – естественным, образным и знакам действия. Наиболее распространенной классификацией образных правовых знаков является их деление по способу внешнего выражения на: 1) предметные знаки (флаг, форменная одежда, государственные награды и др.); 2) изобразительные знаки (герб, товарный знак, дорожные знаки и др.); 3) звуковые (гимны, марши и др.) и световые знаки (сигналы при регулировании дорожного движения и др.). Знаки действия и соответствующие знаковые системы широко представлены в праве в виде самых разнообразных правовых процедур и процессов. Мы уже отмечали, что для продуктивного развития семиотики права, особенно анализа образных знаков и знаков действия, могут быть полезными результаты исследования иных, смежных с правовым, дискурсов: политического, религиозного и др. [Ковкель 2017 а, 50]. Учитывая предлагаемую нами прагматико-интерпретативную парадигму семиотики права, следует также обратить внимание на переориентацию семиотической модели интерпретативного сотрудничества, развитие анализа нетекстовых знаков. В частности, лексемную поверхность правового текста (1), коды и субкоды (3), а также иные элементы модели следует видоизменить с учетом иных средств семиотического выражения (изображений, жестов, цвета, звука и т. д.). Важно также отметить перспективу применения семиотики страстей, разработанной А. Греймасом и Ж. Фонтанием, для семиотико-правового анализа.

Семиотический подход и проблема ценностей.

Этика и семиотика

У. Эко в своем эссе «Когда на сцену приходит другой» справедливо отметил, что некоторые этические проблемы становятся прозрачнее после того, как продуманы некоторые проблемы семантики. В современной прикладной этике и биоэтике как ее, пожалуй,

наиболее значимой составляющей, семантические исследования как составная часть семиотического поля исследований проводятся достаточно редко.

Как правило, в сознании исследователя в области этики доминирует установка, что проблемы семиотики, скорее, имеют отношение к логике, эпистемологии или когнитивистике, но лишь косвенно могут иметь отношение к проблемам этики. Во многом такая установка обусловлена представлением о знаке как об этически нейтральном объекте [Эко 2003, 10].

В то же время упускаются из виду другие теории знака, в рамках которых знаки значения имеют отсылку к ценностям и человеческим смыслам. В этой связи не утратили своей актуальности работы известного ученого, основоположника семиотики Ч. С. Пирса и менее известной В. Уэлби, посвятивших ряд работ исследованию конституции смысла и терминологической этике (этике языка), позволивших рассмотреть значение в контексте человеческих смыслов, ценностей и значимости. Историко-философский и методологический фундамент, заложенный в творчестве упомянутых ученых, на наш взгляд, обладает эвристическим потенциалом для развития семиотических исследований в области биоэтики. Труды В. Уэлби могут рассматриваться в качестве классических текстов по теории знаков. Применительно к проблеме этических аспектов семиотики важными оказываются идеи В. Уэлби о сопряженности значения с прагматической и этической значимостью. Проблема знака была артикулирована исследовательницей в контексте ценностной наполненности человеческой деятельности, оказалась связана с социальным контекстом, в котором пребывает субъект.

Идеи В. Уэлби оказались чрезвычайно близки идеям Ч. Пирса. Войдя в историю философии и своими исследованиями в области логики, и разработкой концепции прагматизма в области этики, Ч. Пирс продемонстрировал возможности обогащения каждой из этих дисциплин заложенным в них концептуальным и методологическим аппаратом. Философ первым обратил внимание на проблему значения понятия, связав его с вытекающими из него практическими последствиями. В. Уэлби выражала похожие мысли, и данный аспект ее творчества привлек внимание исследователя. В очерке, посвященном творчеству В. Уэлби, Ч. Пирс указывал, что для нее значение, данное в наиболее полном виде, «есть общая сумма всех условных предсказаний, за которые человек, употребляющий слово, намерен сделать себя ответственным или ответственность за которые он намерен отрицать... Но кроме тех последствий, за которые

человек, принимающий слово к употреблению, сознательно берет на себя ответственность, есть еще широкий океан непредсказуемых последствий, которые подобному принятию суждено вызвать к жизни – причем это не просто последствия для знания, но, возможно, и революции в обществе» [Пирс 2000, 225]. В работе «Что такое значение?» исследовательница отмечает необходимость привнесения теории значения, обогащенной этической составляющей, в другие научные дисциплины: «Наука о человеке должна оставаться в каком-то смысле неудачной, если мы не сможем овладеть секретами значения» [Welby 1903, 47], «...нам еще только предстоит перевести динамику науки в интеллектуальное и моральное русло» [Welby 1903, 80].

Идеи Ч. Пирса и В. Уэлби оказываются особенно ценными в биоэтическом дискурсе в процессе интерпретации значения границ субъекта, понимания индивида как знака, приписываемые значения которого и их интерпретации вызывают широкий спектр предсказуемых и непредсказуемых последствий и выстраиваемых локусов ответственности. Границы субъекта как знака, значение этого понятия также оказываются зыбкими, подвижными, неустойчивыми, зависящими от социальных и культурных детерминант. Понятия «значение», «значимость», таким образом, отсылают к субъективной оценке, персональному опыту, релевантности знака для данного индивида.

Особенности семиотического подхода в российской биоэтике: к проблеме этики именованя

У Умберто Эко в эссе «Когда на сцену приходит Другой» есть прекрасный пассаж о телесных правах звероподобного Адама, «не ведающего, что есть сексуальное единение, радость диалога, любовь к детям, горе из-за утраты любимого человека», однако имеющего представление о своем пространственном положении, чувствующим свое тело в совершенно различных проекциях: видения, слушания, активного вторжения в среду, обладающего различными представлениями и эмоциями и страдающего от принуждения и пыток. Эко справедливо пишет, что «если бы все нам подобные уважали эти „телесные права“, история не знала бы таких явлений, как избивание младенцев, скармливание христиан львам, Варфоломеевская ночь, сожжение еретиков, концлагеря, цензура, работа детей в шахте, массовые изнасилования в Боснии» [Эко 2003, 14].

Подход, артикулирующий проблему телесных прав человека, на который опирается У. Эко, связан с поиском «семантических универсалий», общих для всего человечества, для всех культур элемен-

тарных понятий [Эко 2003]. Они конституированы восприятием собственного тела, осознанием его положения в пространстве, его боли, его чувствительности, диапазона его реакций на множество внешних факторов.

«Живое тело» человека как условие взаимосвязанности со всеми формами жизни на планете, по мнению С. Петрилли и А. Понзио, способно стать основанием для онтологической переформулировки биоэтики в свете глобальной семиотики или семиотики жизни. Последняя мыслится как глобальный проект высвобождения человеческого тела от власти знаний в области биополитики, от проектов, структур и функций современного общества, которые служат воспроизведению социально-экономического порядка [Petrilli, Ponzio, 2007, 114].

На наш взгляд, экспликация в рамках семиотического подхода проблематики «телесных прав», «соматического» права способна стать связующим звеном для сближения семиотики права и семиотических исследований в области биоэтики.

Собственно, концептуальный и методологический каркас современной биоэтики уже выстроен на основании учета слабоартикулированных другими научными дисциплинами «телесных прав», в то же время применение семиотической методологии в современной биоэтике – достаточно редкое явление. В частности, российские исследователи в области биоэтики используют общий философский анализ, активно применяют принципализм Т. Бичампа и Дж. Чилдресса [Beauchamp, Childress 1994], а также кейс-стади. Однако семиотический подход оказался явлением, сравнительно мало распространенным как в дискурсе западной, так и российской биоэтики. В последней он благодаря информационно-синергетическому подходу [Мелик-Гайказян 1997, 45–53, 135–140; Мелик-Гайказян 2009], связавшему результаты фундаментальных исследований нелинейной динамики сложных систем, теорий информации и семиотики, впервые был применен в биоэтике [Мелик-Гайказян 2007; Мелик-Гайказян 2012; Горбулева и др. 2013]. В то же время отмечается потенциал семиотического подхода для оценки антропологических последствий сценариев нелинейной динамики социокультурных систем, в частности выдвигаемых и не поддающихся гуманитарному измерению утопических проектов [Мелик-Гайказян 2014, 93–95]. С позиций семиотического подхода был также проведен анализ моделей современной медицины и показана их семиотическая сущность в связи с их направленностью на регуляцию способов коммуникаций субъектов биомедицины [Мелик-Гайказян, Мещерякова 2015; Мелик-Гайказян 2018 а]. Что касается практических проблем

биоэтики, продемонстрирована актуальность разработки семиотических инструментов управления [Melik-Gaykazyan et al. 2016 a; Mescheryakova et al. 2016 b; Evdokimov et al. 2016 c; Melik-Gaykazyan et al. 2017 a; Melik-Gaykazyan et al. 2017 b] для решения проблемы распространения тенденции обмена донорскими органами и создания «рынков, работающих без денег» (на основе модели соответствия, предложенной Э. Ротом [Мелик-Гайказян и др. 2018 b]).

На наш взгляд, семиотический подход оказывается особенно востребованным именно при обсуждении конкретных нерешенных проблем современной медицины, создающих целый ряд апорий современной биоэтики. Среди них прежде всего выделяются проблемы границ человеческой жизни. Границ, связанных как с ее началом или концом, так и с пониманием обособленности человеческого существования от любых других форм существования, имеющей отношение к формированию достоинства человека, отраженной в имени «человек». В тех или иных вариациях семиотический подход артикулирован в обсуждении различных проблем философской версии российской биоэтики, правда, как правило, имплицитно. Отдельного внимания в этой связи заслуживает артикуляция российскими биоэтиками проблем, связанных с этикой именования.

Следует подчеркнуть, что лишение человека человеческого достоинства происходит на фоне предпонимания коннотаций, связанных с именем «человек». То есть этика отношения к человеку зависит от семантических ассоциаций, возникающих в связи с именем «человек». А они в свою очередь появляются в сознании индивида только как следствие осознания своего онтологического положения. Человек мыслим как некий текст, и как таковой он наделен тем или иным форматом содержания, который исключает все, что видится неприемлемым (неприятным) и ненормальным [Попова 2013]. Концепт «человек» не является семантически устойчивым, это не некая очевидная данность. Он и представлен себе, и скрывается от себя самого посредством языка, который порождает и хранит различные репрезентации человека и различные, зачастую вызванные развитием биомедицины, оценочные маркеры, смещающие человеческое в область недочеловеческого, сверхчеловеческого, постчеловеческого.

Акцент на тех или иных аспектах сущности человеческого бытия всегда вызывает импульс к смещению и проведению новых антропологических границ, а значит, и к появлению «пропускных пунктов» в область «истинно человеческого», на страже которой будут исполнять свои временные обязанности рекрутированные чьими-то (био)политическими амбициями те или иные моральные добродетели и избранные ценности.

Языковые игры с именовани­ем, манипулирование знаками, на­правленное на реализацию тех или иных прагматических замыслов, например проведение успешного биомедицинского эксперимента, становятся предметом особой озабоченности российских специали­стов в области биоэтики. Именование может быть как технологией деперсонализации, так и возвращения отчужденных имен.

Так, Б. Г. Юдин исследует процесс именовани­я испытуемых био­медицинских исследований с участием людей-испытуемых во время Второй мировой войны в отряде «731» японских вооруженных сил Квантунской армии. Он указывает на применение так называемых «марута-технологий» (от яп. «марута» – «бревно»), то есть целенаправ­ленном использовании имени «бревна» по отношению к живым лю­дям для проведения медицинских экспериментов. Данная технология рассматривается как процесс постепенного абстрагирования от чело­веческого в человеке, в результате которого исследователь приближает испытуемого как носителя определенного имени, личностных харак­теристик, физических качеств и т. д. к состоянию объекта, с которым ему проще иметь дело как ученому: «человек вообще и человек-как-испытуемый – это далеко не одно и то же» [Юдин 2014, 37].

Проблему именовани­я также ставит в своих работах П. Д. Тищенко при анализе нарративно артикулированных жизненных апорий [Тищенко 2011]. Прежде всего его волнует осмысление процесса именовани­я человека на гранях жизни и смерти. В работе «Био­власть в эпоху биотехнологий» философ рассматривает процесс присвоения имени «человек» на различных этапах онтогенеза и по­казывает, как осуществляется наделение человеческого существа правом на жизнь и происходит отказ в даре существования (посред­ством отзыва имени). Так, «Присвоение плоду на определенной ста­дии «до-», «внутри-» или «вне-утробного» развития имени «чело­век» превращает его в «личность», обладающую «правом на жизнь». Отказ в даре – удерживает то же самое существо в онтологическом статусе «вещи» – «части» женского тела, которую можно в любой момент аборттировать и превратить, к примеру, в сырье прибыльной «фетотерапии», предмет биомедицинского исследования или по­просту выбросить на специализированную свалку...» [Тищенко 2001].

Приведенные выше примеры демонстрируют особый интерес российских биоэтиков к проблеме именовани­я и в целом к про­блематике, которая связана с исследованием лингвистического мо­дуса конструирования человека [Попова 2017 а], пониманием чело­века как текста, требующего соответствующей его имени этики читателя [Попова 2013].

Семиотический подход в клиническом дискурсе о смерти: казус смерти мозга

В целом в современной биоэтике огромное значение приобретает исследование телесности как семантического объекта, связанного с различными культурно-историческими коннотациями, предписывающими телу определенные значения и формирующими широкий семантический потенциал данного понятия, связанный также с полисемантической вечных категорий, как жизнь и смерть.

Конкретным примером использования семиотического подхода в контексте артикуляции этики именованного мог бы стать представленный нами ниже краткий анализ современных клинических и философских дискурсов о смерти мозга. Дискурс о смерти мозга очень неоднородный, а пациенту с диагнозом смерти мозга в различных контекстах присваиваются различные имена, такие как:

1. Артефакт технологической поддержки [Controversies 2008].
2. Артефакт ИВЛ [Controversies 2008].
3. Овощ, растение⁵.
4. Неоморт [Курцмен, Гордон 1987; Агамбен 2012].
5. Источник органов⁶.
6. Существо, форма жизни, созданная медицинскими технологиями [Lizza 2005].
7. Интегративное единство телесности [Shewmon 2001].
8. Личность [Shewmon 2001].

Наличие различных имен косвенно свидетельствует об отсутствии фиксированного значения у таких категорий, как жизнь и смерть в современном биомедицинском знании. Само понятие «человек» является многозначным. Он оказывается изменчивым знаком, за который вступают в борьбу различные дискурсы: как медицинские (например, трансплантологический или неврологический), так и религиозно- и этикофилософские [Попова 2017 b]. Ряд дискурсов о смерти мозга описывает человека в рамках персональной грамматики (то есть пациент с таким диагнозом рассматривается как личность), ряд – как биомашину, функционирующую благодаря ИВЛ.

С различными описаниями пациента напрямую связана биомедицинская прагматика действий. Очевидно, что описание, где пациента со смертью мозга называют личностью, формирует другие формы обращения с его телом и конструирует совершенно другой образ клинической реальности, чем те описания, в которых он фигурирует с именем «биомашина» или «набор органов». Например, называя

⁵ Дискурсы о пациентах, пребывающих в вегетативном статусе.

⁶ Дискурсы о трансплантации органов и тканей человека.

пациента с диагнозом смерти мозга «артефактом технологической поддержки», «овощем», «растением», в духе инструментальной рациональности можно реализовывать прагматическую цель использования органов для улучшения состояния здоровья нуждающихся. При переходе в рассуждениях о человеке от персональной «грамматики» к грамматике «вещи» «артефакта» и т. д., дискурсивное пространство может использоваться как инструмент легитимации каких-либо действий по отношению к человеческому существу.

Продумывание проблем семантики и особые «языковые игры» в этике способны стать основанием не только для формирования взвешивающего подхода к процессу сигнификации, но также необходимо помнить о том, что семиотический подход может в равной степени использоваться для осуществления стратегии исправления имен, редуцирования и в конечном итоге уничтожения имени «человек», порождая новые техногенные формы человеческой идентичности, подобные описанным выше, и как давать человеку право на жизнь, так и лишать его этого права.

Заключение

В настоящей статье мы попытались рассмотреть особенности применения семиотического подхода в юриспруденции и дискурсе биоэтики. Было показано, что семиотика права – интенсивно развивающаяся междисциплинарная научная отрасль, в то время как семиотические исследования в биоэтике – лишь зарождающаяся область исследований. Как для семиотики права, так и для семиотических исследований в биоэтике характерно отсутствие теоретического, концептуального и методологического единства. В то же время экспликация в рамках семиотического подхода проблематики «телесных прав», «соматического» права способна стать связующим звеном для сближения семиотики права и семиотических исследований в области биоэтики. На наш взгляд, данный подход обладает не только широкими эвристическими возможностями, но и мощным гуманистическим посылом.

БИБЛИОГРАФИЯ

Агамбен 2012 – *Агамбен Дж. Homo sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель.* Москва: Издательство «Европа», 2012.

- Горбулева и др. 2013 – Горбулева М. С. Мелик-Гайказян И. В. Мещерякова Т. В. Меч и скальпель: семиотическая диагностика трансформации властных взаимоотношений как культурных детерминаций основных принципов биоэтики. Томск: Томский государственный педагогический университет. Сер. Системы и модели: границы интерпретаций. 2013. 268 с.
- Ковкель 2009 – Ковкель Н. Ф. Логика и язык закона. Минск: Право и экономика, 2009. 299 с.
- Ковкель 2010 – Ковкель Н. Ф. О проблеме самостоятельности понятия «правовой язык» // Вестник БГЭУ. 2010. № 2 (79). С. 88–95.
- Ковкель 2011 а – Ковкель Н. Ф. Соотношение правового языка с естественными и искусственными языками // Вестник БГЭУ. 2011. № 6 (89). С. 101–106.
- Ковкель 2011 б – Ковкель Н. Ф. Континуум лексической прозрачности языковой знаковой системы законодательства // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта ім. Я. Купалы. 2011. № 1. С. 4–15.
- Ковкель 2012 – Ковкель Н. Ф. Особенности стилистики текстов нормативных правовых актов // Вестник БГЭУ. 2012. № 3 (92). С. 88–95.
- Ковкель 2013 а – Ковкель Н. Ф. Основные элементы структуры правового языка // Вестник Пермского университета. 2013. № 4 (22). С. 44–51.
- Ковкель 2013 б – Ковкель Н. Ф. Социолингвистические особенности нормативных правовых актов и правоприменительных актов // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта ім. Я. Купалы. 2013. № 2 (150). С. 6–15.
- Ковкель 2015 б – Ковкель Н. Ф. Проблемы легитимации права в контексте семиотического анализа // Признание права и принцип формального равенства: сб. тр. / редкол.: Денисенко В. В. [отв. ред.], Беляев М. А. Москва: Современная экономика и право, 2015. С. 216–232.
- Ковкель 2015 а – Ковкель Н. Ф. Правовая семиотика: особенности формирования и основные концепты // Право.by. 2015. № 2 (34). С. 57–63.
- Ковкель 2017 а – Ковкель Н. Ф. Семиотика права: проблемы определения основных концептов и выбора парадигмы // Правоведение. 2017. № 4. С. 38–59.
- Ковкель 2017 б – Ковкель Н. Ф. Семиотический подход к пониманию права и методологический потенциал его влияния на развитие юриспруденции // Современные подходы к пониманию права и их влияние на развитие отраслевой юридической науки, зако-

- нодательства и правоприменительной практики: сб. науч. тр. / под общ. ред. В. И. Павлова, А. Л. Савенка. Минск: Академия МВД, 2017. С. 113–125.
- Ковкель 2017 с – *Ковкель Н. Ф.* Семиотические стратегии, методы и модели правовой интерпретации // Парадигмы юридической герменевтики / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. Санкт-Петербург: Алетейя, 2017. С. 103–132.
- Ковкель 2018 – *Ковкель Н. Ф.* Правовая семиосфера как концепт культурального измерения права // Культуральные исследования права / под ред. И. Л. Честнова, Е. Н. Тонкова. Санкт-Петербург: Алетейя, 2018. С. 153–170.
- Кресс 2016 – *Кресс Г.* Социальная семиотика и вызовы мультимодальности // Политическая наука (Political science). 2016. № 3. С. 77–100.
- Курцмен, Гордон 1987 – *Курцмен Дж., Гордон Ф.* Да сгинет смерть! Победа над старением и продление человеческой жизни. Москва: Мир, 1987.
- Мелик-Гайказян 1997 – *Мелик-Гайказян И. В.* Информационные процессы и реальность. Москва: Наука. 1997.
- Мелик-Гайказян 2007 – *Мелик-Гайказян И. В.* Воздействие меняющегося мира как информационный процесс // Человек, 2007. № 3. С. 32–43.
- Мелик-Гайказян 2009 – *Мелик-Гайказян И. В.* Идея процесса и проблема измерения // Эпистемология и философия науки, 2009. Т. 20. № 2. С. 127–141.
- Мелик-Гайказян 2014 – *Мелик-Гайказян И. В.* Пересечение биоэтики и синергетики: обходной маневр нерешенной проблемы измерения в гуманитарных исследованиях // Конвергенция технологий и дивергенция будущего человека (материалы 2018 года): Рабочие тетради по биоэтике / сб. науч. ст. / под ред. П. Д. Тищенко. Москва: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2018. С. 93–95.
- Мелик-Гайказян, Мещерякова 2015 – *Мелик-Гайказян И. В., Мещерякова Т. В.* Клятва Гипократа: трансформация семантики и возрождение прагматики // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. 2015. Т. 9. № 1. С. 35–44.
- Мелик-Гайказян 2018 а – *Мелик-Гайказян И. В.* Диагностика моделей биоэтики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 45. С. 75–82.
- Мелик-Гайказян и др. 2018 б – *Мелик-Гайказян И. В., Мелик-Гайказян М. В., Тарасенко В. Ф.* Проективный консалтинг на «оси синтактики» // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 4. С. 169–185.

- Melik-Gaykazyan et al. 2016 – *Melik-Gaykazyan I. V., Melik-Gaykazyan M. V., Mescheryakova T. V., Sokolova N. S.* Model of bioethics as “semiotic attractors” for diagnosing innovative strategies of training specialists for NBICS-technologies niche // SHS Web of Conferences. 2016. Vol. 28. P. 01069. DOI <https://doi.org/10.1051/shsconf/20162801069>
- Mescheryakova et al. 2016 b – *Mescheryakova T. V., Melik-Gaykazyan I. V., Melik-Gaykazyan M. V., Kirilenko B. O.* Place of bioethics in knowledge management in the information society // Vision 2020: Innovation Management, Development Sustainability, and Competitive Economic Growth Proceedings of the 28th International Business Information Management Association Conference. Editor Khalid S. Soliman. 2016. P. 2187–2191.
- Evdokimov et al. 2016 c – *Evdokimov K. E., Melik-Gaykazyan M. V., Kuznetsov V. G., Melik-Gaykazyan I. V.* “Semiotic attractor”: a model for the NBICS-technologies coherence management // Innovation Management and Education Excellence Vision 2020: From Regional Development Sustainability to Global Economic Growth, IBIMA 2016 Proceedings of the 27th International Business Information Management Association Conference. 2016. P. 355–361.
- Melik-Gaykazyan et al. 2017 a – *Melik-Gaykazyan I. V., Tarasenko V. F., Mescheryakova T. V. & Melik-Gaykazyan M. V.* Information Model for Management In the Area of Convergent Technologies. Proceedings of The 29th International Business Information Management Association Conference (IBIMA). Vienna, May 3–4, 2017. Vienna: [s.n.]. P. 429–434.
- Melik-Gaykazyan et al. 2017 b – *Melik-Gaykazyan I. V., Gorbuleva M. S., Vengerovsky A. I. & Melik-Gaykazyan M. V.* Semiotic Diagnostics of Social Transformations. Proceedings of The 29th International Business Information Management Association Conference (IBIMA). Vienna, May 3–4, 2017. Vienna: [s.n.]. P. 435–439.
- Мелик-Гайказян и др. 2018 а – *Мелик-Гайказян М. В. Тарасенко В. Ф.* Проективный консалтинг на «оси синтактики». 2018. № 4. С. 169–185.
- Мелик-Гайказян 2018 б – *Мелик-Гайказян И. В.* Диагностика моделей биоэтики. Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 45. 2018. С. 75–82.
- Пирс 2000 – *Пирс Ч. С. Леди Уэлби. Что такое значение* // Избранные философские произведения. Пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. Москва: Логос, 2000. 448 с. С. 225.
- Попова 2013 – *Попова О. В.* Человек как текст и этика читателя // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Москва, 2013. С. 144.
- Попова 2017 а – *Попова О. В.* Конструирование «человека-как испытуемого» // Биоэтика. 2017. № 2 (20). С. 17–21.
- Попова 2017 б – *Попова О. В.* Человек как артефакт биотехнологий. Москва: Канон+, 2017. 336 с.

- Соломоник 2004 – Соломоник А. Позитивная семиотика (о знаках, знаковых системах и семиотической деятельности) / под ред. Г. Крейдлина. Минск: МЕТ, 2004. 191 с.
- Тищенко 2001 – Тищенко П. Д. Био-власть в эпоху биотехнологий. Москва, 2001.
- Тищенко 2011 – Тищенко П. Д. На гранях жизни и смерти. Философские исследования оснований биоэтики. Издательство: СПб: Мирь. 2011. 331 с.
- Эко 2003 – Эко У. Пять эссе на темы этики»: symposium. СПб, 2003.
- Эко 2007 – Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / перев. с англ. и итал. С. Д. Серебряного. Санкт-Петербург: «Симпозиум», 2007. 502 с.
- Юдин 2014 – Юдин Б. Г. Научное познание человека и ценности // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 1. С. 37.
- Balkin 1991 – Balkin J. M. The Promise of Legal Semiotics // University of Texas Law Review. 1991. Vol. 69. P. 1831–1852.
- Balkin 1994 – Balkin J. M. Being Just With Deconstruction // Faculty Scholarship Series. 1994. Paper 271. P. 393–404.
- Ballweg 1987 – Ballweg O. Analytical Rhetoric, Semiotic and Law // Law and Semiotics / Ed. R. Kevelson. Volume 1. New York, NY and London: Plenum Press, 1987. P. 25–33.
- Ballweg, Seibert 1982 – Ballweg O., Seibert T.-M. Rhetorische Rechtstheorie – im Zusammenhang gesehen. In Rhetorische Rechtstheorie, ed. O. Ballweg and T.-M. Seibert. Freiburg and München: Alber, 1982. S. 15–24.
- Beauchamp, Childress 1994 – Beauchamp T. L. Childress J. F. Principles of Biomedical ethics. 4th ed. Oxford; Oxford Univ. Press, 1994. 546 p.
- Controversies 2008 – Controversies in the Determination of Death. The President's Council on Bioethics. Washington. 2008.
- Broekman, Fleerackers 2018 – Broekman J. M., Fleerackers F. Legal Signs Fascinate. Springer Netherlands, 2018. VIII, 74 p.
- Cacciaguidi-Fahy, Mooney 2009 – Cacciaguidi-Fahy S., Mooney A. The Promise of Legal Semiotics. *International Journal for the Semiotics of Law*. 2009. Vol. 22. P. 381–386.
- Gizbert-Studnicki 1986 – Gizbert-Studnicki T. Język prawny z perspektywy socjolingwistycznej. Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. DCCCL XXVII. Prace z nauk politycznych. Zeszyt 26. Warszawa, Kraków: PWN, 1986. 139 s.
- Greimas, Landowski 1976 – Greimas A. J., Landowski E. Analyse sémiotique d'un discours juridique. *Sémiotique et sciences Sociales* / Ed. A. J. Greimas. Paris: Seuil, 1976. P. 79–128.
- Hoven 1988 – Hoven P. J. van den. Legal Argument as an Illocutionary Act Complex. *International Journal for the Semiotics of Law / Revue Internationale de Sémiotique Juridique*. № 1. P. 29–45.

- Jackson 1985 – *Jackson B. S.* Semiotics and Legal Theory. London: Routledge & Kegan Paul, 1985. 238 p.
- Jackson 1995 – *Jackson B. S.* Making Sense in Law: Linguistic, Psychological and Semiotic Perspectives. Liverpool, UK: Deborah Charles Publications, 1995. 516 p.
- Jackson 1996 – *Jackson B. S.* Making Sense in Jurisprudence. Liverpool, UK: Deborah Charles Publications, 1996. 362 p.
- Jackson 2011 – *Jackson B. S.* Legal Semiotics and Semiotic Aspects of Jurisprudence // *Prospects of Legal Semiotics* / Ed. A. Wagner, J. M. Broekman. Springer Netherlands, 2011. P. 3–36.
- Jori 1987 – *Jori M.* Semiotica e teoria del diritto. *Rivista internazionale di filosofia del diritto*. 1987. LXIV (2). P. 196–239.
- Jori 1989 – *Jori M.* Tendances en sémiotique juridique. *International Journal for the Semiotics of Law*. 1989. № II (6). P. 277–300.
- Kalinowski 1988 – *Kalinowski G.* Sémiotique Juridique. *Dictionnaire Encyclopédique de Théorie et de Sociologie du Droit* / Ed. A.-J. Arnaud et al. Paris and Bruxelles: L.G.D.J. and E. Story-Scientia, 1988. P. 370–371.
- Kalinowski 1990 – *Kalinowski J.* Logika prawnicza a logika deontyczna // *Szkice z teorii prawa i szczegółowych nauk prawnych: zb. art. / Uniwersytet im. A. Mickiewicza w Poznaniu; red. S. Wronkowska, M. Zieliński. Seria Prawo. № 125. Poznań: Wyd. Nauk. Uniw. im. A. Mickiewicza w Poznaniu, 1990. S. 345–357.*
- Kevelson 1982 – *Kevelson R.* Peirce's Dialogism, Continuous Predicate, and Legal Reasoning. *Transactions of the Charles S. Peirce Society*. 1982. № 18 (2). P. 159–176.
- Kevelson 1985 – *Kevelson R.* Peirce's Philosophy of Signs and Legal Hermeneutics. *Man, Law and Modern Forms of Life* / Ed. by E. Bulygin et al. Dordrecht: Reidel, 1985. P. 125–135.
- Kevelson 1986 – *Kevelson R.* Semiotic Method and Legal Inquiry. *Indiana Law Review*. 1986. № 61 (3). P. 355–371.
- Kevelson 1987 b – *Kevelson R.* Legitimizing "Repugnancy" in Law: Peirce and Contradiction. *Law and Semiotics* / Ed. by R. Kevelson. Pennsylvania State University. Vol. 1. N. Y., London: Plenum Press, 1987. P. 239–282.
- Kevelson 1987 a – *Kevelson R.* Introduction to the First Round Table on Law and Semiotics. *Law and Semiotics* / Ed. R. Kevelson. New York, NY and London: Plenum Press. 1987. Vol. 1. P. 1–24.
- Kevelson 1988 – *Kevelson R.* The law as a system of signs. New York, London: Plenum Press, 1988. 331 p.
- Kress 2010 – *Kress G.* Multimodality. A social semiotic approach to contemporary communication. Routledge, London, 2010. XVI. 212 p.
- Kress, Leeuwen 2001 – *Kress G., Leeuwen T.* Multimodal discourse: The modes and media of contemporary communication. L.: Edward Arnold, 2001. 142 p.

- Kurzon 1988 – *Kurzon D.* Prolegomena to a Speech Act Approach to Hearsay Evidence. *International Journal for the Semiotics of Law / Revue Internationale de Sémiotique Juridique*. 1988. № 1. P. 263–273.
- Landowski 1985 – *Landowski E.* Semiotics in Social Science Research. *Semiotics, Law and Social Science / Ed. D. Carzo and B. S. Jackson*. Rome and Liverpool: Gangemi Editore and Liverpool Law Review, 1985. P. 69–79.
- Landowski 1988 b – *Landowski E.* «Sémiologie juridique», «Sémiotique juridique». *Dictionnaire de théorie et de sociologie du droit / Ed. A. J. Arnaud*. Paris and Bruxelles: L.G.D.J. and E. Story-Scientia, 1988. P. 368–372.
- Landowski 1988 a – *Landowski E.* Towards a Semiotic and Narrative Approach to Law. *International Journal for the Semiotics of Law / Revue Internationale de Sémiotique Juridique*. 1988. № 1. P. 79–105.
- Mellinkoff 1963 – *Mellinkoff D.* *The Language of the Law*. Boston, MA: Little, Brown & Co. 1963.
- Lizza 2005 – *Lizza J. P.* Potentiality, Irreversibility, and Death. *J. Med. and Philos.* 2005. Vol. 30. № 1. P. 45–64.
- Oppenheim 1944 – *Oppenheim F.* Outline of a Logical Analysis of Law. *Philosophy of Science*. 1944. Vol. 11. No. 3. P. 142–160.
- Petrilli, Ponzio 2007 – *Petrilli S., Ponzio A.* Semiotics Today. From Global Semiotics to Semioethics, a Dialogic Response. *Signs*. Vol. 1. P. 29–127, 2007. P. 114.
- Sbisà, Fabbri 1981 – *Sbisà M., Fabbri P.* Models (?) for a Pragmatic Analysis. *Journal of Pragmatics*. 1981 № 4. P. 301–319.
- Scarpelli 1985 – *Scarpelli U.* Contributo alla semantica del linguaggio normativo. 2-nd ed. by A. Pintore. Milan, Giuffrè, 1985.
- Shewmon 2001– *Shewmon D.* The Brain and Somatic Integration: Insights into the Standard Biological Rationale for Equating «Brain Death» With Death. *Journal of Medicine and Philosophy*, 2001, Vol. 26. No. 5. P. 457–478.
- Wagner, Broekman 2011 – *Wagner A., Broekman J. M.* Promises and Prospects of Legal Semiotics – An Introduction. *Prospects of Legal Semiotics*. Ed. A. Wagner, J. M. Broekman. Springer Netherlands, 2011. P. V–XVII.
- Welby 1903 – *Welby V.* *What Is Meaning? Studies in the Development of Significance*. London. Macmillan and Co, New York: The Macmillan Company. 1903.

Материал поступил в редакцию 25.06.2019